

Закончив выполнять упражнения, Е Тянь почувствовал, что все его тело заполнилось энергией и силой, а неприятные симптомы и слабость полностью прошли. Он был в восторге. Последствия использования черепашьего панциря немного пугали, но он достался ему от патриарха даосского клана Май, пусть и столь странным способом. Может быть, его следует применять в сочетании с осознанным управлением дыханием?

"Сокровищница искусств..."

Предположив такой вариант, Е Тянь осторожно попробовал вызвать панцирь. Когда он появился в его сознании, он заметил, что светящиеся слова "геомантия" и "сяншу" вроде бы стали ярче.

Но Е Тянь все еще не был уверен, что вчерашняя неудача была связана только с тем, что он смотрел лицо собственного отца. А воспоминания о неприятных ощущениях почти полностью парализованного тела были слишком свежи, и он не решался активировать панцирь.

"Малыш Тянь, приходи завтракать..." От сомнений и размышлений Е Тяня отвлек голос Е Дунпина.

"Да, иду..." Услышав приглашение к столу, Е Тянь успокоился, а панцирь в его сознании исчез.

В деревнях серьезно относятся к приему пищи. Летом утро — самое прохладное время суток, поэтому Е Дунпин вынес еду во двор и первой подал сыну миску с лапшой в курином супе. Среди лапши лежала большая вареная куриная ножка.

"Папа, вам тоже надо поесть куриного супа..."

Е Тянь уже собирался есть, когда заметил, что в миске отца лежат остатки вчерашней еды и немного маринованной редьки, которую тот сейчас старательно жевал.

"Разве не видел, что я уже съел свою порцию курицы? А сейчас я лишь немного перекушу с тобой за компанию, чтобы желудок не перегружать. А ты ешь, ешь..."

У Е Дунпина стало тепло на сердце. Он понял, что его сын повзрослел настолько, что сознательно заботится об отце. Это настоящий подарок судьбы, дороже любых деликатесов.

"Папа, я буду есть только лапшу. Курица слишком жирная и сытная, думаю, мне сейчас трудно будет ее переварить..."

Мельком взглянув на отца, Е Тянь заметил, что его волосы покрылись легкой сединой, а белки глаз немного покраснели. А ведь Е Дунпину было лишь немного за тридцать. Конечно, он не голодал, но всегда лучший кусок за столом отдавал сыну.

Кроме того, Е Тянь отлично видел вчера, как вторую куриную ножку его отец порезал мелкими кусочками в приготовленный для сына куриный суп. И теперь, даже не воспользовавшись палочками для еды, мальчик вытащил курицу из лапши и положил в миску отца.

"Малыш Тянь, я действительно уже съел свою порцию..."

Е Дунпин хотел вернуть лучший кусок обратно, но, увидев на лице Е Тяня твердое намерение угостить отца, вздохнул с облегчением и согласился: "Ладно, мой сын стал настоящим мужчиной. Я съем эту курицу..."

Этот мальчик всегда был упрямым и неуправляемым. Когда он успел повзрослеть и стать таким рассудительным? Столь неожиданное проявление сыновнего почтения переполнило сердце Е Дунпина радостью, и все пережитые за десять лет трудности и страдания уже не казались такими уж серьезными.

"Кстати, малыш Тянь, ты действительно увидел все то, о чем говорил вчера?"

До сих пор на первом месте было здоровье и жизнь Е Тяня. Но, успокоившись, Е Дунпин вспомнил о вчерашнем странном разговоре и, поставив миску на стол, решил поговорить об этом.

Е Тянь знал, что рано или поздно, придет время для этого разговора. Но сейчас у него все равно свело живот от страха. Но он ответил честно: "Папа, я действительно вижу такое. Раньше я узнал, что моему наставнику на самом деле почти сто лет от роду. И искусство сяншу, о котором он мне рассказывал, на самом деле позволяет узнать истину..."

Е Дунпин кивнул, спокойно выслушав сына, и сказал: "Возможно и так. Твой отец не владеет всеми знаниями в мире и тоже может ошибаться. Все же искусству сяншу больше тысячи лет, значит, это не просто мошенничество. Но, малыш Тянь, в нашем современном обществе искусство сяншу считается феодальным пережитком. Не стоит полностью посвящать себя этому. В первую очередь тебе надо выучиться. Я просто боюсь, что ты увязнешь в этих предрассудках и забудешь об образовании..."

Е Дунпин родился в обычной семье, но даже в столь беспокойные времена смог закончить университет Цинхуа. Он даже мог стать довольно успешным, но по некоторым причинам вынужден был покинуть Пекин. Возвращаться туда пока он не собирался, но о своем прошлом не рассказывал никому, тем более в присутствии сына. Поэтому у него не было оснований не верить, что все это Е Тянь сам каким-то образом узнал об этом.

Считая сяншу феодальным пережитком, Е Дунпин не основывался на каких-то собственных выводах. Раньше эта область его не слишком интересовала, и он просто принял на веру мнение большинства. Но он многого не знал о древней культуре Китая, и вчерашнее откровение Е Тяня сильно изменило его взгляды по этому вопросу.

"Конечно, папа. Наставник каждый день напоминает мне, как важно вносить свой вклад в четырехъединое строительство страны. Я буду усердно учиться..."(прим. четырехъединое строительство страны — речь, вероятно, идет о генеральный план развития Китая. Но я не понимаю один момент. Детство Е Тяня приходится на конце двадцатого столетия. В то время были принят другой план двуединого строительства, в 1982 году. Четырехъединое строительство принято на 17-м съезде КПК в 2007 году, когда к трем основным областям развития (экономика, культура, с 1997 года - внешняя и внутренняя политика) была добавлена социальная политика. Другими словами, Е Тянь в восьмидесятых годах не мог говорить о четырехъедином строительстве КНР, только о двуедином.)

Выслушав отца, Е Тянь немного успокоился. Пока его отец все еще считает искусство сяншу феодальным пережитком, не следует поднимать шум, тем более, что ничего особенного в его судьбе он так и не увидел.

Наевшись, Е Дунпин совсем воспрянул духом. Его сын стал совсем взрослым и разумным, с ним даже можно говорить на равных. И он даже задумался о том, не стоит ли покинуть эту маленькую деревушку, где они прожили вдвоем долгие десять лет.

"Почему вы не слушаете, что я вам говорю? Зачем ищете Е Тяня? Его даже дома нет..."

Пока Е Тянь и его отец радовались внезапно возникшему между ними взаимопониманию, с улицы раздались крики, а затем в дверь постучали.

"Ой, Е Тянь, ты уже вернулся? А я думал, ты все еще в горах..."

Когда Е Тянь открыл дверь, во двор вошел Толстяк Дунь и хмуро уставился на него, пытаясь изобразить на лице недоумение и одновременно подмигивая, чтобы другие не увидели. В сочетании с сине-фиолетовым фингалом под глазом это выглядело забавно.

Толстяк Дунь пытался дать понять Е Тяню, что не сдал его взрослым, когда был пойман. Такой тайный язык они придумали, когда были пятилетними малышами, и использовали до сих пор.

"Я вчера вернулся..."

Е Тянь понял, что имел в виду Толстяк Дунь, похлопал его по плечу и прошептал на ухо: "Ночью ходим на реку, поймаем угря, чтобы утешить тебя..."

"Хи-хи, это хорошо..." Упоминание еды всегда вызывало улыбку у Толстяка Дуня.

"Вот же мямля, отойди в сторону и соблюдай правила вежливости. Я ищу Е Тяня по делу..."

Остановившись в дверях, Толстяк Дунь своим пухлым тельцем полностью перегородил проход. И терпение тех, кто пришел с ним, подошло к концу. Его силой протолкнули внутрь, и в дверях Е Тянь увидел Го Сяолуна.

"Сяолун? Зачем ты пришел?"

Появление одноклассника удивило Е Тяня. Да, они учились в одной школе и в одном классе, но практически не общались. И, тем более, в гости друг к другу не ходили. Зачем же он пришел?

Однако, увидев человека за спиной Го Сяолуна, Е Тянь внезапно все понял и сделал шаг вперед, приветствуя стоявших на улице: "Здравствуйте, дедушка Ляо, здравствуйте, учитель Юй, здравствуйте, дяди, здравствуй, соученица Юй Цинъя, здравствуйте..."

За Сяолуном стоял Ляо Хаодэ, тот самый, с кем Е Тянь встретился на ярмарке. С ним пришли еще взрослые, в том числе учитель Юй Хаожань со своей дочерью Юй Цинъя.

Она была всего на месяц младше Е Тяня. Милая девочка с белоснежной кожей, тонкими изящными бровями, большими выразительными глазами и густыми длинными волосами, заплетенными в две косы. Она была еще маленькой, но уже было понятно, сколь красивой она станет, когда вырастет.

"Е Тянь, мой отец искал тебя..."

Увидев, как Е Тянь прищурился, Юй Цинъя невольно отступила назад. Она не знала, зачем ее отец пришел сюда, но из любопытства последовала за ним.

С первого класса Юй Цинъя и Е Тянь сидели за одной партой и дружили. На переменах и после школы она с другими девочками бегала за Е Тянем и его друзьями хвостиком и веселилась.

Но в третьем классе все изменилось, а на их общую парту словно перечертила тридцать восьмая параллель. За одну ночь дружба между ними исчезла, и теперь Е Тянь постоянно дразнил ее, иногда доводя до слез. Юй Цинъя уже со счета сбилась, сколько раз ей пришлось плакать из-за него. (прим. "Тридцать восьмая параллель" — геополитическая идиома. На этой

параллели проходит граница между Северной и Южной Кореей, так называемая демилитаризованная зона. Поэтому название параллели стало символом ссоры, разорванных отношений. По-русски в таких случаях говорят: "между ними кошка пробежала".)

"Малыш Тянь, почему держишь гостей на пороге? Это совсем невежливо..."

Пока Е Тянь открывал дверь, Е Дунпин уже успел расставить на каменном столе во дворе тарелки и разложил палочки для еды. Но, подойдя ко входу, увидел, что гости все еще стоят на улице, и сделал сыну замечание.

"Папа, это мои одноклассники, учитель Юй, они здесь..." Е Тянь резко обернулся и торопливо ответил отцу.

"Старина Юй, в чем дело? Зашел выпить со мной? Сегодня есть какой-то повод?..."

Выглянув на улицу, Е Дунпин хотел поприветствовать старого друга, но увидев, что там, кроме Юй Хаожаня много незнакомых людей, растерялся: "Старина Юй, кто эти люди?"

"Старина Е, позволь тебе представить всех. Это начальник отдела Рабочего Единого Фронта, с ним сотрудники отдела. А это господин Ляо, он вернулся на родину из-за границы..." — заметив удивление Е Дунпина, Юй Хаожань поспешил представить тех, кто пришел с ним. (прим. отдел Рабочего Единого Фронта — структурное подразделение центрального комитета КПК. Официально занимается делами китайцев, проживающих или работающих за границей, фактически подразделение внешней и внутренней разведки. Основная цель этого отдела — не потерять влияние КПК на бывших граждан Китая, этнических китайцев, родившихся за границей, и тех, кто, не меняя гражданства, работает за рубежом.)

Правда, Юй Хаожань и сам не знал, зачем все эти люди искали Е Тяня. Сначала к нему пришел Го Сяолун и спросил адрес дома одноклассника, потом сказал, что его ищет дедушка Ляо. Юй Хаожаню стало интересно, и он лично отвел их всех в дом Е Дунпина.

"Рабочий Единый Фронт? Китаец из-за границы? Зачем я им понадобился?"

Е Дунпин был в недоумении, но, не сказав ни слова, вежливо впустил всех и пригласил сесть за стол: "Простите, но в доме немного душно, давайте посидим во дворе. Е Тянь, пойдй вскипяти воду..."

Услышав, что Е Дунпин отсылает Е Тяня в дом Ляо Хаодэ встал и остановил его: "Нет, господин Е, не надо беспокоиться. Я просто хочу кое о чем спросить Е Тяня. Мы много времени у вас не отнимем..."

"Что? Е Тянь, ты опять что-то натворил? Думаю, давно я тебя не лупил, как следует!"

После того, что сказал Ляо Хаодэ, Е Дунпин страшно разозлился. Наглость этого сорванца становится просто невообразимой. Теперь по его душу сотрудники Отдела Рабочего Единого Фронта явились.

Лет десять назад появление у дверей сотрудников этого отдела означало серьезные проблемы. В лучшем случае навесят ярлык врага, в худшем могли вытащить на улицу и устроить публичное показательное наказание.

Хотя времена культурной революции остались в прошлом, уже десять лет прошло с тех смутных времен. Но Е Дунпин, переживший это лично, все еще опасался людей из

государственных структур. И теперь он был зол на Е Тяня, из-за которого они пришли в дом.

Увидев раздражение Е Дунпина, Ляо Хаодэ смутился: "Е... господин Е, простите меня. Е Тянь не сделал ничего плохого. Наоборот, он очень вежлив и почтителен. Я... я здесь... мне надо... я кое-что хочу найти, и мне нужна его помощь..."

Е Дунпин опешил. И даже сотрудники Рабочего Единого Фронта замерли в недоумении. Ляо Хаодэ, солидный мужчина в возрасте. И он пришел сюда... он искал маленького мальчика, чтобы просить о помощи?

<http://tl.rulate.ru/book/14729/3452890>